

Удвоение местоимений в лирическом тексте: синтаксическая и лингвопоэтическая интерпретация

Наталья Викторовна Патроева, Петрозаводский государственный университет
(Россия, Петрозаводск), nvpatr@list.ru

DOI: 10.31857/S013161170005367-2

АННОТАЦИЯ: Местоимения как средства именованья важнейших компонентов лирической коммуникации — субъекта и адресата — нередко подвергаются различного рода синтаксическим выдвиганиям, таким, как сегментация, обособление, присоединение, парцелляция, парантеза, использование в позиции обращения. Объектом анализа в статье являются случаи удвоения местоимений, создающие сегментацию поэтического высказывания, подобную конструкции «именительный предствления», описанной А. М. Пешковским. Благодаря удвоению (дублированию, редупликации) местоимения происходит функционально-семантическая актуализация и интонационно-ритмическое подчеркивание местоименных лексем и связанных с ними образных «ролей», при сохранении свойственной лирическому дейкису множественной референции. Выделение местоимения в особую синтагму в сопровождении препозитивного союза, обычно по своим границам совпадающую со стихотворной стопой, позволяет сфокусировать особое внимание читателя на субъекте, адресате или ином объекте поэтической рефлексии и образной концептуализации. Подвергающиеся в процессе построения лирического высказывания различным видам синтаксической изоляции местоименные конструкции, обладающие богатой

функциональной палитрой, выступают в качестве приема авторизации и диалогизации художественного дискурса, создают эффект «самоостранения» («самоочуждения») лирического я, второй смысловой план, подтекст, являются средством когезии, сегментации и ритмизации стихотворного текста, насыщают его интонациями живого, спонтанного речевого потока.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: местоимение, редупликация, сегментация, поэтический синтаксис, грамматика поэтического текста, лирический дискурс

для цитирования: Патроева Н. В. Удвоение местоимений в лирическом тексте: синтаксическая и лингвопоэтическая интерпретация // Русская речь. 2019. № 4. С. 91–102. DOI: 10.31857/S013161170005367-2.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект «Синтаксический словарь русской поэзии XIX века», № 17-04-00168).

The Language of Fiction

Reduplication of Pronouns in Lyrical Text: Syntactic and Linguo-Poetic Interpretation

Natalja V. Patroeva, Petrozavodsk State University (Russia, Petrozavodsk), nvpatr@list.ru

ABSTRACT: Pronouns as a means of naming the most important components of lyrical communication — the subject and the addressee — are often subject to various kinds of syntactic nominations, such as segmentation, isolation, addition, parceling, parenthesis and usage in the position of address. The object of this paper analysis is a reduplication of pronouns, that create a segmentation of a poetic utterance, similar to the construction of “nominative representation” described by A. M. Peshkovsky. The syntactic reduplication of a pronoun leads to the functional-semantic actualization and intonational-rhythmic underlining of pronoun lexemes and figurative “roles” (associated with them), remaining the plural reference that is typical for

a lyrical deixis. Segregation of a pronoun to a special syntagma, accompanied by a prepositional union, usually coinciding along its borders with a poetic foot, allows the reader to focus on the subject, addressee or another object of poetic reflection and figurative conceptualization. The pronominal constructions that are subject to various types of syntactic isolation in the process of building a lyrical utterance have a rich functional palette. They act as a means of authorizing and dialogizing artistic discourse and create the effect of “self-separation” (“self-justification”) of the lyrical *I*, the second semantic plan and implication, serve as a means of cohesion, segmentation and rhythmization of the poetic text, enrich it with intonations of a live, spontaneous speech flow.

KEYWORDS: pronoun, reduplication, segmentation, poetic syntax, grammar of poetic text, lyrical discourse

FOR CITATION: Patroeva N. V. Reduplication of Pronouns in Lyrical Text: Syntactic and Linguo-Poetic Interpretation. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2019. No. 4. Pp. 91–102. DOI: 10.31857/S013161170005367-2.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was carried out with the financial support of Russian Foundation for Basic Research (project “Syntactic dictionary of Russian poetry of XIX century”, № 17-04-00168).

*Меня и мной и мне и я
я мну в губах местоимения*
(С. Кирсанов. Анти-Я)

Исследование процессов формообразования в лирике часто ассоциируется с изучением поэтической морфологии: достаточно в этой связи упомянуть о блистательных опытах анализа Р. О. Якобсоном глагольных категорий и словоформ в стихотворениях А. С. Пушкина [Якобсон 1983]. Между тем не меньший интерес представляет формотворчество на высшем, синтаксическом, уровне текстовой иерархии — селекция и создание синтаксических структур, обуславливающих процесс развертывания грамматической композиции (о понятии грамматической композиции см. [Яцкевич 1999: 3–4]) лирического текста, выбор автором способов подчеркивания (выделения, актуализации) важнейших элементов образного целого. Хотя в практике анализа лирических произведений находится немало подтверждений тому, что ассоциативно-образная архитектоника и ритмика поэтического текста сопротивляются грамматическим правилам, жестким, обязательным и создающим предсказуе-

мость и автоматизм, нежелательные для лирической формы, с ее малым объемом и фрагментарностью, тем не менее «ритмическая альтернатива грамматической организации выступает только на фоне последней и никогда не “снимает” ее до конца» [Сидорова 2000: 304].

Объектом анализа в данной статье станут некоторые синтаксические условия использования местоимений в лирике, способствующие акцентуации роли дейктических (местоименных) слов в системе поэтического текста. Целью анализа является интерпретация грамматической сущности удвоения местоимений в начале предложения и выявление функций их дублирования до и после паузы.

Лексемы с абстрактными значениями гораздо реже вовлекаются в процессы экспрессивного функционирования, и в силу этого обстоятельства такие максимально отвлеченные по семантике слова, как местоименные, лишённые обычно способности к тропообразованию, довольно поздно оказались объектом лингвостилистической интерпретации (например, [Винокур 1990: 241–249], [Якобсон 1983], [Эткинд 399–407], [Патроева 1998: 6–10], [Кулева 2007: 202–205], [Кулева 2013: 114–117]) — впервые, очевидно, в работах Г. О. Винокура и Р. О. Якобсона. Между тем местоимения в системе поэтического текста — структурно необходимый и универсальный элемент, обусловленный сущностью именно лирики как рода литературы, тяготеющего к обобщенности, а потому неопределенности и неоднозначности замещаемого местоимением объекта: местоимения выступают здесь как средство сохранения безымянности лирических субъекта и адресата, содержащее «ту меру и ту степень информативности, которая как раз и требуется лирике» [Сильман 1970: 84]. В поэзии за местоимением стоит категория «не только грамматического, но и поэтического лица» [Лотман 2011: 554]: я может относиться как к внутреннему субъекту стихотворения, названному Ю. Н. Тыняновым лирическим героем, так и — потенциально — к любому читателю, который обращается к тексту и откликается на переживания лирического субъекта; *ты* — это и внутренний адресат стихотворения, в том числе сущность, не способная к ответной коммуникации (неодушевленная, абстрактная), и внешний адресат — максимально обобщенный, потенциально — любой читатель произведения. Поэтому именно в лирике, со свойственной ей «референциальной расщепленностью» [Якобсон 1975: 221], то есть неопределенностью замещаемого предмета, местоимения «могут заполняться окказиональными лексическими, вещественными значениями, выступая в функции значимых слов, но с размытыми до степени колеблющихся семантических пятен смыслами» [Якобсон 1975: 221].

Смысловая и функциональная нагруженность местоимений нередко подчеркивается в поэтическом тексте синтаксическими средствами, и

прежде всего различными способами грамматической и семантико-прагматической актуализации — путем интонационной (в потоке устной речи) и пунктуационной (на письме) их выделенности в структуре высказывания.

Активно используемый поэтами прием — сегментация (вычленение) личного местоимения: местоимение в сопровождении присоединительного союза в абсолютном начале предложения интонационно выделяется от последующей части высказывания с повторяющимся местоимением, так что возникает эффект удвоения. Такие местоименные синтагмы в функциональном и ритмо-мелодическом отношении сближаются с особой конструкцией, названной А. М. Пешковским «именительный представления»¹, но в качестве сегмента выступает здесь не слово с номинативной семантикой (существительное, называющее предмет), а личное местоимение, которое в условиях поэтического текста оказывается фактически единственным средством наименования лирических субъекта и адресата:

*А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называл...* (Н. Языков)

*Но мы... смотря, как наше счастье тленно,
Мы жизнь свою дерзнем ли презирать?* (В. Жуковский)

С другой стороны, оформляемые с помощью союза начальные синтагмы с местоимением оказываются в интонационном плане подобными риторическим вопросам, так что дублируется «вопрос в вопросе»: в стихотворениях, представляющих собой воображаемый диалог или автодиалог-саморефлексию, такая акцентуация личных местоимений информативно и прагматически значима, поскольку у читателя создается «иллюзия сопричастности моменту мышления» [Бао Хун 2002: 271]. Субъектные сферы двух мыслящих миров (лирического я и адресата) тем самым сближаются и противопоставляются одновременно:

*А я... какая мне дорога
В гурьбе поэтов-удальцов?* (Н. Языков)

*Сущий — Ты! А я, — кто я, ничтожный?
Пред Тобой в какую скроюсь мглу?* (Вяч. Иванов)

А ты — верна ли ты? (Н. Языков)

*А вы — вы кинули отцов чертог печальный,
Наследники их прав и чести феодальной?* (А. Майков)

¹ См. подробнее о вкладе А. М. Пешковского в разработку «грамматики поэзии» в работе [Никитин 2018: 64–100].

Местоименная сегментация играет немаловажную роль в формировании авторизирующего начала, подчеркивая личность автора как источника художественной информации, как «субъекта... восприятия, констатации или оценки явлений действительности» [Золотова 1973: 263], и направлена на установление контакта между автором и читателем с целью обеспечения успешной интерпретации текста: автор, стремящийся спрогнозировать процесс восприятия текста и выступить регулятором его понимания, использует имеющиеся в распоряжении средства для того, чтобы сфокусировать внимание получателя информации на особенно важных, с точки зрения отправителя, элементах дискурса, каковыми оказываются субъект поэтического высказывания и его собеседник.

А я — я вновь взмогнулся на Парнас. (А. Пушкин)

*Но я, дотоле твой поклонник безотрадный,
В обитель скорбную сойду я за тобой...* (А. Пушкин)

И вы — вы сильны. Нет, больше — могучи... (И. Сельвинский)

*...Еретик был счастлив, когда, горя,
он мог оставаться нем...*

*А ты — о, ты испугался гореть!
Так что ж кричишь, горя?* (О. Берггольц)

Поскольку именно в лирике *я*, раскрывающее свою сущность и индивидуально окрашенное отношение к окружающему, становится предметом изображения, акцентуации чаще всего подвергается личное местоимение 1-го лица как постоянная «данность» всегда спешащего от «нового» к «новейшему» лирического текста [Сильман 1977: 179–180]. В этом находит отражение так называемый «эгоцентризм (“я-центризм”）」 лирики [Ковтунова 1986: 152].

По словам Т. Сильман, «позиция лирического поэта есть пребывание в некоей фиксированной точке, кружение вокруг одной мысли, одного вопроса, одного чувства. Принцип лирического поэта: “Еще, еще раз о том же самом!” [Сильман 1977: 139–140]. Это «кружение» вокруг предмета лирической рефлексии, фиксация наблюдения над неким выделенным авторской волей из мироздания объектом как раз и позволяют осуществить конструкции с дублированием и паузированием местоимения:

*А я — студенческому миру
Сказав задумчиво: прощай,
Я перенес разгульну лиру
На Русь, в отечественный край...* (Н. Языков)

Лицом к молящемуся миру
Гора выходит на амвон...
А я — я тут же, на коленях... (В. Шаламов)

Лирическое *я* выступает как составляющая смысла акцентированного *мы*, используемого для номинации пары влюбленных, друзей или подразумевающего максимальное обобщение (*мы* = человечество):

А *мы* — *мы* на лодке сидели вдвоем,
Я смело налег на весло... (А. Фет)

А *мы* — *мы* пара ленивых зверей.
Слышишь, какой в орешнике гул? (Саша Черный)

А *мы* — что *мы* на этой тризне?
Что можем знать, чему помочь? (А. Блок)

А *мы* — *мы* ищем тишины,
Мы ищем мира и покоя... (В. Шаламов)

Удвоение личных местоимений 2-го лица позволяет сосредоточить максимум внимания на фигуре внутреннего адресата стихотворения, который затем, в основной, следующей за сегментом, части высказывания, получает яркую характеристику:

А *вы, вы* модный господин... (А. Пушкин)

А *ты* — *ты* был со мной и среди горя! (В. Кюхельбекер)

А *ты, — ты* в этот миг оригинал большой;
С сигарою во рту, в халате, у окошка... (А. Фет)

А *вы* — *вы* точно так же равнодушно
На старика седого взглянете... (Н. Огарев)

А *вы* — *вы* молоды и пышны до конца. (А. Фет)

А *вы* — *вы* хуже... (З. Гиппиус)

Интонационно-ритмическая актуализация иных дейктических сфер (ОН — ОНА) совершается в лирике несравненно реже:

Готов ли я? И *он* — готов ли *он*? (И. Эренбург)

А *он* — *он* отдан Родине сейчас,
она одна сегодня с ним пробудет. (О. Берггольц)

За интонационно подчеркнутым местоимением 3-го лица обычно следует характеристика лица, не участвующего в коммуникации. Сегмент может также сопровождаться риторическим вопросом, дейктическим

жестом, говорящим о присутствии наблюдателя, выражающего собственный взгляд на мир, или контекстом, свидетельствующим о метаязыковой рефлексии лирического субъекта:

...У древних цель была, у нас другая:
Гораций, например, восторгом грудь питая,
Чего желал? *О! он — он* брал не с высока;
В веках бессмертия, а в Риме лишь венка
Из лавров иль из мирт... (И. Дмитриев)

Пускай я женщина...
А он — он чистое подобье полубога!.. (Н. Апухтин)

...Ты — музыка. *А он*, —
К несчастью, с детства не лишенный слуха, —
Он будущее чувствует сквозь сон. (П. Антокольский)

И она — отчего столько ярости в ней? (И. Бунин)

Сегмент позволяет иногда сделать символическое значение местоимения объектом языковой рефлексии:

Она — в сем слове милом
Вселенная твоя... (В. Жуковский)

Дублирование местоимения, сопровождаемое сочинительным союзом, участвует в создании не только повтора, но и антитезы:

Они шутили, улыбались,
Моею страстью забавлялись;
А я — я слезы лил рекой! (Н. Карамзин)

Ликует буйный Рим... торжественно гремит
Рукоплексканьями широкая арена:
А он — пронзенный в грудь — безмолвно *он* лежит... (М. Лермонтов)

Особенно выделяются в грамматической структуре фразы начальные сегменты, не согласованные со следующими далее местоименными формами и создающие асимметричность в построении высказывания (случаи несимметричного, неточного удвоения):

А вы — благословляю вас,
Святые барды Туискона... (В. Кюхельбекер)

А вы, — которых ожиданье
Давно, давно, давным-давно
На мой приезд устремлено —

Он обо мне воспоми^{на}нье
Прекрасно *вам* возобновит:
Опишет жизнь мою плохую. (Н. Языков)

Поэт, наверно, лет чрез десять...
Поэму графскую издаст.
А я — *мне* вечер только нужен,
Чтоб в горе выручить певца... (Д. Минаев)

Сегментированные структуры более свойственны жанрам с ярко выраженным медитативным, «философическим» началом (прежде всего элегиям), а также текстам, богатым интонациями естественной, непринужденной речи: автор словно бы приглашает читателя к диалогу, совместному поиску истины, размышлению, переживанию, выдвигая предмет, тему ображаемого разговора в «сильную», ритмо-мелодически выделенную позицию. Большая часть сегментов оказывается размещенной в «сильных» позициях стиха — обычно в первой стопе, задающей метрическую схему:

А я, я, с памятью живых твоих речей,
Увидел роскоши Италии твоей! (Е. Баратынский)

А *мне, мне* предоставь таить огонь бесплодный,
Рожденный иногда воззреньем красоты... (Е. Баратынский)

Но я, я смотрел на луну... (Н. Гумилев)

Согласно отмеченной исследователями русского стиха тенденции, короткие слова в целом чаще встречаются в начале, чем в конце строки (напротив, в конце строки «преобладают более длинные слова, чтобы сделать более ощутимой границу между строками» [Гаспаров, Скулачева 2004: 272]), поэтому инициальная позиция двусложного сегмента в предложении почти всегда совпадает с начальной стопой. На фоне этой нормы акцентуация местоимения в конце строки (стиха) оказывается еще более выразительной, подчеркнутой мужской клаузулой:

Как Млечный Путь, любовь твоя...
Ты слезный свет во тьме железной,
Ты горький звездный сок. А я —
Я помутневшие края
Зари слепой и бесполезной. (М. Волошин)

Пусть для кого-нибудь другого
Нефть значит только нефть... А я —
Я вкладываю в это слово
Глубинный опыт бытия... (А. Адалис)

Длина местоименных сегментов как нельзя лучше подходит для формирования самой распространенной в русской поэзии ямбической схемы: поскольку среди местоимений как «двойственных слов» (т. е. лексем, которые «в классическом стихе ведут себя следующим образом: они ударны на метрически сильных позициях и безударны на метрически слабых» [Скулачева 2013: 246]) преобладают односложные, введение в состав сегмента союза необходимо, чтобы ударение оказалось на местоимении, на «сильном» для ямба четном слоге первой стопы, так что энклитикой в потоке речи является союз. Кроме того, активность сильных (тесных, подчинительных) связей нарастает к концу стиха [Гаспаров, Скулачева 2004: 162], поэтому различного рода сегментации речевого потока активны в первой стопе стихов, тем более что начальная позиция сегмента вообще характерна для построения предложения, а не только строки.

Сегментация с последующим повтором местоимения, нарушающая плавность и мерность поэтической мелодики, вносящая ритмическую «шероховатость» звучания в стихи, создающая эффект спонтанного перебива речи, одновременно формирует горизонтальные и вертикальные скрепы, выступая в качестве важного средства внутритекстовой связности и цельности.

Таким образом, сближающееся по своей грамматической сущности с конструкцией «именительный темы» сегментированное построение с начальным повтором местоимения является средством экспрессивного синтаксиса, позволяя автору сделать позицию лирического субъекта или адресата по смыслу и интонационно выделенной и создать эффект живой устной либо внутренней речи.

Литература

- Бао Хун. Экспрессивный синтаксис с точки зрения коммуникативной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. М.: УРСС, 2002. С. 268–274.
- Винокур Г. О. *Я и ты* в лирике Баратынского (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1990. С. 241–249.
- Гаспаров М. Л., Скулачева Т. В. Статьи о лингвистике стиха. М.: Языки славянской культуры, 2004. 283 с.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973. 352 с.
- Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.

- Кулева А. С. Местоимение «мы» в «Словаре языка русской поэзии XX века»: опыт составления словарной статьи // Проблемы авторской и общей лексикографии. Брянск; Москва: РИО БГУ, 2007. С. 202–205.
- Кулева А. С. «Он», «она», «оно», «они» в словаре поэтического языка // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. С. 114–117.
- Лотман Ю. М. Заметки по поэтике Тютчева // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 2011. С. 553–564.
- Никитин О. В. Жизнь и труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени // Пешковский А. М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика / сост., науч. ред., подгот. текста, вступ. ст. и прим. О. В. Никитина. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 64–100.
- Патроева Н. В. Функции и семантика личных местоимений в лирике Е. А. Баратынского // Русская словесность. 1998. № 6. С. 6–10.
- Сидорова М. Ю. Грамматика художественного текста. М.: Изд-во МГУ, 2000. 416 с.
- Сильман Т. И. Заметки о лирике. Л.: Советский писатель, 1977. 224 с.
- Сильман Т. И. Синтактико-стилистические особенности местоимений // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 81–92.
- Скулачева Т. В. Части речи в стихотворной строке: методы анализа // Корпусный анализ русского стиха. М.: Азбуковник, 2013. С. 243–266.
- Эткинд Е. Г. Опыт о местоимении в системе поэтической речи // Поэтика и стилистика русской литературы. Л.: Наука, 1971. С. 399–407.
- Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
- Яцкевич Л. Г. Структура поэтического текста. Вологда: Русь, 1999. 238 с.

References

- Bao Khun. [Expressive syntax from the point of view of communicative grammar]. *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta* [Communicative-semantic parameters of grammar and text]. Moscow, URSS Publ., 2002, pp. 268–274. (In Russ.)
- Etkind E. G. [An Experience on a Pronoun in the System of Poetic Speech]. *Poetika i stilistika russkoi literatury* [Poetics and stylistics of Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1971, pp. 399–407. (In Russ.)
- Gasparov M. L., Skulacheva T. V. *Stat'i o lingvistike stikha* [Articles about the linguistics of verse]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 283 p.
- Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 206 p.
- Kuleva A. S. [“He”, “she”, “it”, “they” in the dictionary of poetic language]. *Voprosy russkoi istoricheskoi grammatiki i slavyanovedeniya: k 175-letiyu so dnya rozhdeniya Vatroslava Yagich*

- cha* [Questions of Russian historical grammar and Slavonic studies: the 175th anniversary of the birth of Vatroslav Jagich]. Petrozavodsk, Petr. St. Univ. Publ., 2013, pp. 114–117. (In Russ.)
- Kuleva A. S. [The pronoun “we” in the “Dictionary of the language of Russian poetry of the XX century”: experience of compiling a dictionary article]. *Problemy avtorskoi i obshchei leksikografii* [Problems of author and general lexicography]. Bryansk, Moscow, Bryansk St. Univ. Publ., 2007, pp. 202–205. (In Russ.)
- Lotman Yu. M. [Notes on Tyutchev’s Poetics]. Lotman Yu. M. *O poetakh i poezii* [On Poets and Poetry]. Saint-Petersburg, Iskusstvo-SPb Publ., 2011, pp. 553–564. (In Russ.)
- Nikitin O. V. [The life and works of Alexander Matveyevich Peshkovsky in the light of the scientific polemics of his time]. *Peshkovskii A. M. Lingvistika. Poetika. Stilistika* [Peshkovsky A. M. Linguistics. Poetics. Stylistics]. Comp., scientific. ed., prepared text, opening art. and approx. O. V. Nikitin. Moscow, FLINTA Publ., 2018, pp. 64–100. (In Russ.)
- Patroeва N. V. [Functions and semantics of personal pronouns in the lyrics of E. A. Baratynsky]. *Russkaya slovesnost’*, 1998, no. 6, pp. 6–10. (In Russ.)
- Sidorova M. Yu. *Grammatika khudozhestvennogo teksta* [Grammar of the artistic text]. Moscow, Moscow St. Univer. Publ., 2000. 416 p.
- Sil’man T. I. *Zametki o lirike* [Notes on lyrics]. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1977. 224 p.
- Sil’man T. I. [Syntactic-stylistic features of pronouns]. *Voprosy yazykoznavaniya*, 1970, no. 4, pp. 81–92. (In Russ.)
- Skulacheva T. V. [Parts of speech in a poetic line: methods of analysis]. *Korpusnyi analiz russkogo stikha* [Corpus analysis of Russian verse]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 243–266. (In Russ.)
- Vinokur G. O. [I and you in the lyrics of Baratynsky (From etudes about Russian poetic language)]. Vinokur G. O. *Filologicheskie issledovaniya: Lingvistika I poetika*. [Philological Studies: Linguistics and Poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 241–249. (In Russ.)
- Yakobson R. [Poetry grammar and grammar of poetry]. *Semiotika* [Semiotics]. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 462–482. (In Russ.)
- Yakobson R. O. [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: «za» I «protiv»* [Structuralism: “For” and “Against”]. Moscow, Progress Publ. 1975, pp. 193–230. (In Russ.)
- Yatskevich L. G. *Struktura poeticheskogo teksta* [The structure of the poetic text]. Vologda, Rus’ Publ., 1999. 238 p.
- Zolotova G. A. *Ocherk funktsional’nogo sintaksisa russkogo yazyka* [Sketch of the functional syntax of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 352 p.